

В ГЕРМАНСКОЙ ГЛУБИНКЕ

Чудовище из Ингольштадта

К северу от Мюнхена, на берегу Дуная, раскинулся живописный и тихий город Ингольштадт. Сюда редко заезжают туристические автобусы, поэтому вы, уважаемые путешественники, не рискуете оказаться здесь в суматошной толпе себе подобных.

По сравнению с Мюнхеном, Ингольштадт кажется спокойным и безмятежным. Однако внешность обманчива. И еще: в тихом омуте черти водятся. Причем здесь нечистая сила – узнаете позже.

Дата основания этого города теряется в глубине веков, и единственная память о его основателе – имя: Ингольд. В XIII веке баварский герцог Людвиг Сильный построил здесь замок. Впоследствии в Ингольштадте были сооружены новые оборонительные сооружения, и к XV веку он считался самой неприступной крепостью Южной Германии. Впрочем, положение обязывало: его называли ключом к Мюнхену, а с 1392 по 1447 год Ингольштадт являлся столицей мощного герцогства Bayern-Ingolstadt.

В 1472 году герцог Людвиг Богатый основал Ингольштадтский университет – первый в Баварии. В нем преподавали прославленный поэт и историк Конрад Цельтис (1459-1508); автор монументальной «Баварской хроники» Иоганн Авентин (1477-1534); астроном Кристоф Шейнер (1575-1650), открывший в 1611 году, независимо от Г.Галилея и И.Фабрициуса, пятна на солнце и определивший период его вращения. Со временем Ингольштадт утратил былое значение, и в 1800 году его университет был переведен в Ландсхут, а в 1826-м – в Мюнхен.

Итак, ученые покинули Ингольштадт. На смену им пришли военные. В 1828 году здесь началось строительство мощной крепости под руководством

архитектора Лео фон Кленце (по проекту которого, кстати, были построены здания Мюнхенской Пинакотеки и Нового Эрмитажа в Петербурге).

Строительные работы, в которых участвовали тысячи человек, были завершены в 1849 году торжественным рапортом: «Ингольштадт готов к обороне». Правда, почему-то никто эту готовность не испытывал.

Хотя ингольштадтские укрепления не сыграли предназначенной им роли, они послужили к немалому украшению и благоустройству города. У подножия бастионов Лео фон Кленце разбил сады и парки, образовавшие вокруг Ингольштадта широкий зеленый пояс, – любимое место отдыха горожан. Кроме того, благодаря наличию здесь крепостей XIII, XV и XIX веков, Ингольштадт стал своего рода музеем под открытым небом, и в 1972 году сюда перенесли из баварской столицы Военный музей, созданный в 1881 году.

Если Военный музей показывает, каким образом в разные эпохи калечили и убивали людей, то у Медицинского музея цель прямо противоположная: продемонстрировать в историческом развитии способы исцеления. Соседство этих двух столь несхожих, на первый взгляд, музеев закономерно: военные во все времена обеспечивали медиков работой, невольно способствуя развитию искусства врачевания, ну а эскулапы возвращали в строй отремонтированный человеческий материал. Кроме этих двух музеев, в Ингольштадте есть еще Музей игрушек, часть экспозиции которого составляют оловянные солдатики и прочие забавы, прививающие детям вкус к военным упражнениям.

Как и в других исторических немецких городах, в Ингольштадте немало средневековых храмов. Особый интерес представляет Собор Богоматери (Liebfrauenmünster), построенный в XV- XVI веках в стиле поздней готики. Одна из главных его достопримечательностей – алтарный образ, написанный в 1572 году, к 100-летию университета, Хансом Милихом. На нем запечатлен диспут святой Екатерины с пятьюдесятью языческими философами, обращенными ею впоследствии в христианство. Считается,

что в их облики художник изобразил профессоров Ингольштадтского университета.

Однако Ингольштадт знаменит не только своими памятниками истории и архитектуры. Именно здесь появилось на свет чудовище, созданное любознательным студентом Виктором Франкенштейном. Как повествует роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Новый Прометей» (1818), молодой ученый XVIII века, начитавшись сочинений средневековых алхимиков, отказался от методов современной науки, которая, как ему казалось, занимается незначительными и ненужными вещами, и продолжил искания мыслителей XV-XVI веков, мечтавших о постижении тайн мироздания и о разрешении загадки жизни и смерти. В конце концов Франкенштейн добился своего: искусственным путем создал человеческое существо, но сразу же потерял над ним контроль. И возмездие, неотвратимо постигающее каждого, кто пытается проникнуть в тайны тайных творения и дублировать Бога, не заставило себя долго ждать. Чудовище убивает одного за другим родных и близких своего создателя, мстя ему за свое беспросветное существование изгоя, и Франкенштейн, долгие годы безуспешно пытавшийся уничтожить свое творение, становится его последней жертвой...

Гуляя ясным летним днем по Ингольштадту, трудно поверить во все эти ужасы. Но воспетое романтиками, разукрашенное и чуть игрушечное средневековье, которым любят туристы в Ингольштадте и других старинных городах Германии, порой показывает иное, страшное свое лицо. В романе «Франкенштейн» Мэри Шелли повествует о том, как в упорядоченный, разумный и благонамеренный XVIII век, вследствие роковой неосторожности ученого – человека доброго и честного, но слишком далеко зашедших в своих изысканиях, неумолимо врывается порождение средневековья, сея смерть и горе. И никто, и ничто не может остановить этого дьявола, созданного творческим духом человека, вознамерившегося стать подобным Богу.

Добросердечная Мэри Шелли наделила творение Франкенштейна типичными чертами романтического героя: ему не чужды добрые чувства, однако людская жестокость сделала его злодеем. Творя преступления, он тоскует, страдает и в конце концов, объятый раскаянием, рыдает над телом своего создателя и торжественно обещает невольному свидетелю этой сцены покончить жизнь саможжением на Северном полюсе. Но только вот стоит ли верить слову дьявола?

Однако не подумайте, уважаемые читатели, что я отговариваю вас от поездки в Ингольштадт. Героя романа Мэри Шелли давным-давно не видели в этих местах. Так что не надейтесь, гуляя ненастной ночью по паркам Ингольштадта, увидеть перед собой при вспышке молнии неподвижные мутные желтые глаза...

Стихотворение на заказ, ставшее шедевром

Когда смотришь на карту Германии, взор ищет прежде всего города, вошедшие в историю мировой культуры, и мало кто обратит внимание на крошечную точку на юге Тюрингии, рядом с которой мелкими буквами написано: Лобенштайн.

Раз в полтора-два часа из Заальфельда в Лобенштайн отправляется поезд. Медленно и осторожно едет он по узкоколейке среди скал, по которым карабкаются стройные ели, напоминающие издали шпили готических соборов. Маленькие пушистые елочки сбегаются к железнодорожному полотну посмотреть на поезд и потом долго глядят ему вслед. Поезд едет то по краю оврага, на дне которого журчит горный ручей, то по узкому ущелью, то по холмистой долине, подобной зеленому волнующемуся морю, и трудно поверить, что эту землю давным-давно покинули феи и великаны. А, может быть, кто-то остался?

Города подобны людям. У каждого свое неповторимое лицо, своя особенная судьба, и порой совсем маленький городок имеет древнюю и богатую событиями историю.

Лобенштайн – один из сотен городов Германии, но, раз побывав в нем, нельзя не полюбить его и не запечатлеть его образ в своем сердце.

Лобенштайн вырос вокруг неприступной крепости, сооруженной в X веке. Владели этой крепостью представители знатного и прославленного рода Лобдебургов. Их имя носила принадлежавшая им земля. Но со временем название местечка стало звучать по-иному, и в одном из источников, датированном 1250 годом, появилось название Лобенштайн.

Подобно многим старинным городам, Лобенштайн, помимо реальной истории, имеет и другую – легендарную. В соответствии с ней, Лобенштайн обязан своим существованием королю Людвигу Баварскому. Однажды он охотился в здешних местах и, увлекшись погоней за прекрасным оленем, потерял свою любимую собаку, а затем и сам заблудился. Несколько дней бродил он по дремучему лесу, изнывая от жажды. Вдруг Людвиг услышал лай и пошел в ту сторону, откуда он раздавался. Вскоре король увидел свою любимую собаку, отдыхающую около камня, из-под которого бил ключ. «Lobe den Stein!» (Хвала камню!), – воскликнул Людвиг и основал на этом месте город, название которого должно было напоминать о его чудесном спасении.

Рассказ этот – лишь красивая легенда, ибо Людвиг Баварский жил в XIV веке, а Лобенштайн возник намного раньше. Однако она так нравилась лобенштайнцам, что на гербе своего города они изобразили охотничью собаку, которая помогла своему господину найти спасительный источник.

Нельзя умолчать и о другом символе Лобенштайна – «Faesslsecher», невозмутимо стоящему под часами на ратушной башне. Дело в том, что лобенштайнские кожевники и ткачи широко использовали в производстве мочу (при вымачивании кожи и отбеливании тканей). Поэтому для сбора драгоценной жидкости в домах стояли бочки, в которые обязан был «seechen» каждый член семьи. Это так смешило жителей соседних городков, что они прозвали не только кожевников и ткачей, но и всех лобенштайнцев «Faesslsecher». Лобенштайнцы не обижались на это прозвище. Наоборот, они

гордились хозяйственностью своих сограждан, у которых все идет в дело, и в 1862 году установили «Faesslerseecher» на самом почетном и видном месте.

Несмотря на скромные размеры, Лобенштайн был не просто городом. В течение почти 200 лет – с 1647 по 1824 год – он являлся столицей крошечного государства, правителями которого были представители рода Ройсс. В 1824 году два княжества – Ройсс-Лобенштайн и Ройсс-Эберсдорф – объединились и образовали княжество Ройсс-Лобенштайн-Эберсдорф. Оно имело собственную регулярную армию, состоявшую из двух солдат, и собственный государственный гимн. Резиденцией его правителей стал Эберсдорф, однако и Лобенштайн, находящийся всего в 5 км от новой «столицы», продолжал играть важную роль. В результате революции 1848 года, охватившей почти всю Германию, князья фон Ройсс-Лобенштайн-Эберсдорф были изгнаны из своих владений, которые отныне перестали быть самостоятельным государством.

Лобенштайнцы любят свой родной город, гордятся им и хотят, чтобы их гости также полюбили, узнали и запомнили его. На каждом шагу продаются открытки с видами Лобенштайна и его окрестностей, а в книжном магазине на ратушной площади – огромный выбор краеведческой литературы. Туристы все это охотно покупают, что приносит лобенштайнцам не только моральное удовлетворение, но и определенный доход.

Но, пожалуй, главное свидетельство любви лобенштайнцев к родному городу – это их народные праздники, во время которых все они становятся как бы одной семьей. Расскажу о церемонии установления майского дерева (Maibaum) в канун 1 мая, на которой мне довелось присутствовать несколько лет назад.

Церемония началась вечером 30 апреля с концерта молодежного духового оркестра, после чего на пожарной машине прибыло долгожданное Maibaum. Почти всю сложную и довольно тяжелую работу по его установке выполнили старшие школьники под руководством взрослых.

Лобенштайнское майское дерево представляло собой длинный (около 10 м) шест, обвитый гирляндами из хвои, на вершине которого были привязаны елочка и большой венок из хвои, украшенный черными, красными и желтыми лентами. После наступления темноты началось самое интересное – детское факельное шествие. В длинной процессии, растянувшейся на несколько десятков метров, участвовали и взрослые, однако честь нести священный весенний огонь принадлежала лишь детям. Шествие, сопровождаемое духовым оркестром, началось у ратушной площади и, пройдя через весь Лобенштайн, завершилось на высокой горе за городом, где от всех факелов был зажжен огромный костер. Языки пламени, подобные лепесткам гигантской сказочной огненной лилии, тянулись к усыпанному звездами небу, и порой казалось, что почтенные ели, окружавшие поляну, – это добрые великаны из старинных тюрингенских легенд.

Главной достопримечательностью Лобенштайна является башня, гордо вззирающая на него вот уже более 800 лет. Когда-то она являлась частью мощной крепости, которую соорудили на самой высокой и неприступной горе воинственные Лобдебурги. В 1632 году, во время Тридцатилетней войны, крепость была разрушена, и в течение последующих десятилетий ее развалины использовались как источник строительного материала.

На замковой горе, в здании, построенном в начале XVIII века, находится краеведческий музей. Он не очень большой, но провести в нем можно несколько часов: ведь в нем столько красивых старинных вещей, сохранивших тепло рук своих создателей и владельцев. Здесь есть и расписные деревянные шкафы и колыбельки, и важные бокастые медные чайники, и изящные чайные сервизы, и многое-многое другое, что окружало лобенштайнцев в их повседневной жизни 100-200 лет назад. В музее представлены не только отдельные предметы, но и воссоздана типичная обстановка нескольких комнат в домах горожан, а также внутренний вид

ткацкой мастерской, типографии и аптеки. Экспозиция помогает не только узнать и понять, но и почувствовать прошлое, а это, пожалуй, самое главное.

Недалеко от окруженного парком дворца лобенштайнских князей стоит евангелическо-лютеранская церковь св.Михаила. Близ нее – кладбище, которому уже более 400 лет. Однако старинных надгробий на нем не сохранилось. Они использовались для новых захоронений или для строительства. Лишь два надгробия XIX века пощадили потомки: последнего княжеского кондитера и доктора Ашенбаха, открывшего в 1861 году в Лобенштайне целебные воды. Благодаря этому Лобенштайн стал курортом, что способствовало подъему благосостояния его жителей. Что касается захоронений XX века, то среди них нельзя не заметить крест над могилой неизвестного узника, бежавшего из Бухенвальда и расстрелянного за несколько дней до конца войны под Лобенштайном.

Покидая лобенштайнское кладбище, хотелось бы вспомнить его уроженцев, нашедших последнее упокоение вдали от «отеческих гробов». Среди них – композитор и поэт XVII века Генрих Альберт (1604-1651). Уже в отрочестве он покинул родительский дом, а с 1626 года жил в Кенигсберге. Прославился Г.Альберт тем, что положил на музыку стихотворение своего друга, профессора Кенигсбергского университета Симона Даха «Анхен из Тарау», ставшее вскоре народной песней.

Считается, что «Анхен из Тарау» – одно из лучших немецких стихотворений о любви, хотя оно было написано не в порыве вдохновения, а... по заказу. Просто некий кенигсбергский бюргер решил сделать своей невесте Анхен, жившей в селении Тарау (ныне Владимирово в Калининградской области), оригинальный подарок – стихотворение. Его сочинение он заказал профессору поэтического искусства Кенигсбергского университета Симону Даху, справедливо рассудив, что у него это лучше получится. В XVIII веке его перевел на литературный немецкий язык Иоганн Гердер, и с этого времени оно навсегда вошло в сокровищницу немецкой литературы. В последнее время появилось предположение, что Генрих

Альберт является автором не только музыки, но и слов «Анхен из Тарау». Это известие было встречено лобенштайнцами с воодушевлением; что касается соотечественников Симона Даха – жителей литовского города Клайпеды (бывший Мемель), то они скептически приняли очередную научную сенсацию. Впрочем, не исключено также и то, что и слова, и музыка «Анхен из Тарау» были плодом совместного творчества двух друзей, ибо и Симон Дах был талантливым музыкантом и никогда не расставался со своей любимой скрипкой.

Чем же все-таки покоряло и покоряет многие поколения читателей это стихотворение?

Вероятно, прежде всего своей предельной искренностью. В отличие от большинства поэтов, его автор не превозносит красоту и душевные достоинства своей суженой, не изливает свои чувства, не строит иллюзий по поводу предстоящего блаженства совместной жизни. О чем же он пишет? Да о том, что их может ожидать: невзгоды, болезни, преследования, скорбь... Но через все испытания они пройдут вместе и, чем тяжелее им придется, тем крепче будет их любовь. Если же их разлучат, то его не испугают ни оковы, ни застенки, ни вражеские войска – он будет всюду следовать за своей Единственной. Он ничего не обещает – даже того, что найдет и спасет ее. Он обещает ей только верность.

Каждое творение человеческого духа несет на себе печать своего времени. Читая «Анхен из Тарау», нельзя не вспомнить, что это стихотворение было написано в годы Тридцатилетней войны (1618-1648), когда почти вся Германия была наводнена толпами обезумевших солдат, давно забывшими, во имя и против кого они воюют. Среди этого кровавого хаоса Кенигсберг оставался островком мира и относительного благополучия. Однако война шла совсем рядом, и не было, вероятно, ни одного кенигсбержца, чьи родственники и друзья не попали бы под ее колесо. А потому дружеские вечера поэтов и музыкантов в тенистом саду Генриха Альберта нередко омрачались тревожными известиями и тяжелыми

воспоминаниями, которые не могли не проявиться в стихах и песнях, сочинявшихся и исполнявшихся тут же, под пение соловьев и звон бокалов. Да и сам Генрих Альберт вздыхал украдкой, вспоминая свой милый родной Лобенштайн, разоренный беспощадной войной...

И все же стихотворение «Анхен из Тарау» производит светлое и радостное впечатление. Оно было написано не запуганным обывателем, трепещущим своей невесте «рай в шалаше», но человеком сильным и мужественным, привыкшим полагаться только на себя, готовым встретить жизнь лицом к лицу и способным к бесконечной любви и бесконечной борьбе. И не все ли равно, что послужило непосредственным поводом для создания данного стихотворения? Порожденное конкретной эпохой и конкретными обстоятельствами, оно воплотило вечные нравственные идеалы и ценности, а потому заслуживает место не только в сокровищнице немецкой литературы, но и в душе каждого из нас.

Анхен из Тарау

Анхен из Тарау, мне мила она.
Жизнь моя всецело в ней заключена.
Анхен из Тарау, мы теперь с тобой
В горестях и счастье связаны судьбой.
Анхен из Тарау, ты моя любовь,
Ты мое богатство, плоть моя и кровь.

Пусть ураганы, и грозы, и гром –
Выстоим мы непременно вдвоем.
Наша любовь укрепится в беде,
В скорби, болезнях, нужде и труде.
Анхен из Тарау – свет мой она,
Жизнь ее ныне с моей сплетена.

Пальму не сломит ветер шальной,
И не погубит ливень и зной.
Пальма все так же горда и стройна –
Выстоит наша любовь, как она.
Анхен из Тарау, ты моя любовь,
Ты мое богатство, плоть моя и кровь.

Если б тебя у меня увели,
Скрыли во мраке у края земли,
Через пустыню пройти я готов
И сквозь железные рати врагов.
Анхен из Тарау – свет мой она,
Жизнь ее ныне с моей сплетена.

Перевод Инги Томан

На родине венских стульев

Немногие поезда, мчащиеся из Кельна в Майнц, делают здесь остановку. Те же, которые все-таки останавливаются, задерживаются около этой платформы лишь на несколько секунд. Раздается короткое «Боппард!», и вот уже снова несется поезд навстречу большим городам. Но не будем торопиться в их сутолоку. Сойдем лучше здесь и немного погуляем по этому уютному и маленькому городку со звучным и странным названием – Боппард.

Первое, что мы увидим, едва отойдя от станции, будет уютный сквер, а в нем – живописные аккуратные руины, содержащиеся в идеальном порядке. Боппардцы очень гордятся ими: ведь они являются остатками некогда грозной крепости Боудобрига. В переводе с кельтского это название означает «гора Боуды». Вероятно, Боуда был местным вождем или жрецом. В первом веке до н.э. сюда пришли легионы Юлия Цезаря и

покорили некогда грозных кельтов. В четвертом веке римляне, дабы укрепить свое господство, построили здесь крепость, однако их старания оказались тщетны: Империя разваливалась, и в 405 году римлянам пришлось вывести отсюда свои войска. Им на смену пришли аланы, вандалы, а затем франки. Что касается кельтов, то они частично были истреблены, а частично – ассимилировались. Их язык стал забываться, и к концу X века малопонятное и труднопроизносимое название Боудобрига превратилось в короткое и звучное «Боппард».

На протяжении почти восьмисот лет символом Боппарда является католический собор св.Северуса. Он был построен в XIII веке, однако, как свидетельствуют археологические раскопки, христианская церковь находилась на этом месте еще в V веке. Подобно большому белому кораблю в маленькой тихой гавани, стоит он на миниатюрной, обычно пустынной рыночной площади. Гордо вознеслись в небо его светлые башни, и кажется, что вот-вот храм оторвется от земли и унесется ввысь. Каждый вечер здесь проводятся богослужения. Торжественно и величественно-скорбно льются звуки органа в сумерках древнего храма, робко дрожит и колеблется пламя свечей. Немногие приходят сюда в обычные дни, однако на Рождество и Пасху этот огромный храм заполняется настолько, что опоздавшим даже трудно войти в него, и создается впечатление, что все восьмидесятичное население Боппарда и жители окрестных селений собирается здесь в праздники.

Рядом с храмом стоит внушительный замок. Он был заложен в XIV веке курфюрстом Балдуином Трирским, после упорной борьбы покорившим свободолюбивых боппардцев.

Сейчас в стенах мрачного сурового замка, призванного внушить почтение к его хозяину и утратить непокорных, находится городской музей. Одной из его главных достопримечательностей является ... огромная коллекция венских стульев. Но какое отношение имеют они к Боппарду? Дело в том, что их изобретатель Михаэль Тонет (1796-1871) был

уроженцем этого города, и именно здесь в 1830-е гг. начал производство стульев и кресел, которым суждено было совершить переворот в мебельном дизайне. Вскоре по приглашению князя Меттерниха Тонет обосновался в Вене, где смог развернуться по-настоящему и покорить вначале императорский двор, а затем и всю Европу. Однако историческая справедливость требует признать, что венские стулья следует называть боппардскими. Думаю, большинство боппардцев поддержит мое мнение.

После посещения музея стоит прогуляться по набережной Рейна. Особенно хорошо здесь вечером. Словно гигантские волны застывшего навек моря, спят зеленые холмы на противоположном берегу, лучи заходящего солнца искрятся и переливаются в темных водах Рейна, и порой кажется, что это сверкают сокровища нибелунгов...

Немало легенд связано с этими местами. В нескольких километрах от Боппарда находится скала Лорелей; с неприступных вершин гордо взирают суровые замки, населенные когда-то привидениями, рыцарями-разбойниками и прекрасными дамами. Недаром именно Средний Рейн стал главным источником вдохновения для немецких романтиков. Правда, многие из них были бы, вероятно, разочарованы, окажись они теперь в милых их сердцу местах. Романтические руины еще в XIX веке превратились в аккуратные новоделы якобы средневековых замков, превращенных ныне в гостиницы, рестораны или, в лучшем случае, в музеи. Время от времени они наполняются шумными толпами туристов и школьников; по склонам неприступных когда-то скал и гор проложены первоклассные дороги, а запахи съестного и иллюминация успешно конкурируют с благоуханием цветов и лунным сиянием. В общем, цивилизация берет свое, и нечего удивляться тому, что феи и призраки давным-давно покинули эти края.

Боппард также является курортным городом со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными последствиями. Летом его тихие улочки и набережная заполняются яркой толпой отдыхающих, которые беззаботно гуляют или не спеша потягивают в многочисленных

кафе знаменитое боппардское кисло-сладкое красное вино из винограда сорта Рислинг, чрезвычайно ценимое истинными знатоками. Только здесь, благодаря особому мягкому микроклимату, этот сорт приобретает свои неповторимые вкусовые качества. Только здесь из поколения в поколение передаются секреты изготовления настоящего боппардского вина, история которого начинается в VII веке, а, возможно еще раньше.

Впрочем, живя в Боппарде, трудно усидеть на месте, несмотря на все его многочисленные достопримечательности. Этот город – идеальное место проживания для тех, кто хочет сочетать спокойный отдых с историко-культурными экскурсиями. Боппард находится примерно посередине между Бонном и Кельном с одной стороны и Майнцем и Франкфуртом-на-Майне – с другой. В эти города можно добраться по железной дороге, на машине или на теплоходе. Поездка в один конец займет не более полутора-двух часов (путь по реке продлится дольше), так что в течение одного дня Вы сможете и получить массу впечатлений от посещения памятников архитектуры и музеев, и посидеть в маленьком кафе на берегу Рейна, и насладиться патриархальной тишиной уютного старинного городка.

Если Вы не любите длительных поездок, то и в этом случае у Вас будет чем заняться. Недалеко от Боппарда, у впадения Мозеля в Рейн, находится живописный город Кобленц, где внимание любителей искусства привлечет музей Среднего Рейна. Немного времени займет дорога в Бахарах, напротив которого находится скала Лорелей; прелестный городок Сент-Гоар; Линц, воспетый Тургеневым в повести «Ася», и многие другие дивные места, которым нет числа...

Гости Боппарда – не только туристы, но и студенты. С 1965 года в Боппарде существует Гете-Институт, где многочисленные учащиеся со всех концов земли, в том числе из России и стран СНГ, овладевают немецким языком.

Наше воображаемое путешествие по Боппарду и его окрестностям подошло к концу, но я надеюсь, что рано или поздно оно будет иметь

реальное продолжение. Проведите в Боппарде хотя бы несколько часов, если окажетесь в этих краях. Он обязательно войдет в Ваше сердце, и воспоминания о нем осветят и согреют всю Вашу жизнь.

«На Рейне в Бахарахе...»

Странное чувство охватывает, когда на самом обыкновенном дорожном указателе вдруг видишь надпись – «Бахарах». Тот самый Бахарах, где жила когда-то прекрасная Лорелей. Тот самый Бахарах, который стал одним из символов немецкого романтизма.

Тонкая грань между легендой и реальностью, прошлым и настоящим, сном и явью незаметно исчезает в утреннем тумане. «Значит, чудо все-таки существует», – думаешь с облегчением и ждешь, что за следующим поворотом появится надпись – «Страна Нибелунгов». Впрочем, не будем торопить события.

Бахараху более 1000 лет. Впервые он упоминается в исторических документах в 923 году, но, возможно, уже тогда это был древний город. По преданию, неподалеку находился основанный римлянами алтарь в честь бога вина и веселья Бахуса, от которого и произошло его название. Когда-то старожилы показывали путешественникам скалу на Рейне, где возвышался этот алтарь, но в XIX веке сочли, что скала мешает судоходству, и взорвали ее.

Легенда об алтаре Бахуса возникла не случайно. Издревле одним из основных источников существования города было виноделие. Его окружают холмы, сплошь засаженные виноградниками, и издалека Бахарах подобен белому островку среди огромных зеленых волн, застывших по воле какого-то могущественного волшебника.

Бахарах находится в земле Рейнланд-Пфальц, на берегу Рейна, между Франкфуртом-на-Майне и Кельном. Мимо проходят соединяющие их автомобильная и железнодорожная магистрали, плывут бесчисленные

пассажирские и грузовые пароходы, однако Бахарах, несмотря на летний наплыв туристов, сохранил обаяние тихого патриархального городка, мирно дремлющего среди зеленых холмов.

Уже не одно столетие длится сладкая полудрема Бахараха, но давным-давно здесь было все иначе. «Эти стены были когда-то горды и непреступны, а в этих переулках бурлила свежая, свободная жизнь, в которой было много силы и блеска, наслаждений и страданий, любви и ненависти», – так писал Генрих Гейне о далеком прошлом Бахараха.

Об этих достославных временах напоминают величественные памятники архитектуры. Один из них – замок Шталек, гордо вззирающий на город с высокой горы. Он был основан в XII веке, однако от того времени там мало что осталось. В XVII веке замок был взорван французскими войсками и превратился в руины. В XIX веке Шталек, подобно другим немецким замкам, был отреставрирован, то есть фактически построен заново. В настоящее время в нем находится молодежная гостиница. И все же, несмотря на то, что большинство камней замка помнят сравнительно немного об этих местах, Шталек производит неизгладимое впечатление. Издалека, особенно в лунную ночь, он кажется настоящим гнездом рыцарей-разбойников, а подъем к замку по лесной тропинке, с которой открываются головокружительные виды на долину Рейна, – это уж наверняка запомнится на всю жизнь.

Ведущая к Шталеку горная тропа начинается у капеллы святого Вернера, построенной в конце XIII столетия. Она является памятником не только архитектуры, но и фанатизма и невежества средневековья. Вернер – это мальчик, убитый здесь при невыясненных обстоятельствах в 1287 году. Гибель ребенка послужила поводом для еврейского погрома, жертвами которого стали сотни людей. Это историческое событие описано в неоконченной новелле Г.Гейне «Рабби из Бахараха». Через два года после кровавого побоища Вернер, ставший его невольной причиной, был причислен к лику святых, и в честь него была заложена капелла.

Капелла Вернера превратилась в руины уже в XVII веке, одновременно со Шталеком, когда падающие от взорванного замка камни проломили ее крышу. Это несчастье в какой-то степени способствовало ее славе, ибо капелла Вернера считается красивейшей руиной Германии, вдохновлявшей многих поэтов и художников. Подобно обрывку каменного кружева высится она над Бахарахом, и небесная лазурь сияет сквозь ее стрельчатые окна. Капелла Вернера находится под пристальным вниманием реставраторов. Разумеется, они не помышляют о том, чтобы превратить этот уникальный памятник прошлого в красивый «новодел». Главная их задача – консервация, то есть предотвращение дальнейшего разрушения капеллы.

В Бахарахе есть и другие памятники архитектуры: церковь св.Петра XIII века с уникальными необыкновенно выразительными скульптурами, церковь св.Николая XVII века, остатки городских стен и сторожевых башен, а также многочисленные средневековые фахверковые дома. Если же выйти из города на набережную Рейна, то на противоположном берегу можно увидеть знаменитую скалу Лорелей. Лорелей (Lurelei, Lurlei, Lourlei) в переводе со старосаксонского означает «скала эльфов». Что касается волшебницы Лорелей, то ее триумфальное шествие по немецкой литературе началось в 1802 году, когда поэт Клеменс Брентано (1778-1848) во время своего путешествия по Рейну написал стихотворение, прославившее не столько автора, сколько его героиню. Впоследствии оно, наряду с произведениями Й.Эйхендорфа, Г.О.фон Лёбена и других авторов, оказалось в тени «Лорелей» Гейне, однако справедливости ради следует помнить: Брентано был первым, кто воспел коварную искусительницу. Не исключено, что его стихотворение написано по мотивам старинной народной песни или легенды, хотя существует мнение, что роковая красавица является целиком и полностью плодом воображения молодого поэта. Возможно, правда, и третье предположение: Лорелей существовала испокон веков, и Брентано просто был первым, кому она сочла нужным открыться.

Клеменс Брентано. Лорелей

На Рейне в Бахарахе
Волшебница жила.
Ее краса немало
Несчастий принесла.

Безжалостно губила
Всех, кто вздыхал по ней.
Таинственная сила
Была у Лорелей.

Ее епископ строгий
На грозный суд призвал,
Но и служитель Бога
Пред ней не устоял.

Он молвил ей с участием:
«Бедняжка, что с тобой?
Зачем несешь несчастья
Ужасной ворожкой?»

«Пусть смерть придет за мною,
Погибнуть я должна:
Я смерть своей красою
Нести обречена.

Мои глаза – как пламя,
А руки – словно сеть.
О, бросьте меня в пламя,
Порвите мою сеть!»

«Тебя проклясть не властен
И сжечь тебя в огне:
Огонь любовной страсти
Теперь горит во мне!»

«О патер, не глумитесь
Над участью моей,
И Господу молитесь
За душу Лорелей!

Мне здесь ничто не мило,
И жизнь нет сил терпеть.
Моя мечта – могила,
Так дайте умереть!

Меня мой друг сердечный
Оставил здесь одну.
Уехал он навечно
В далекую страну.

Печаль в бездонном взоре
И нежность белых рук...
Вот он – источник горя,
Вот мой волшебный круг.

Своим лицом и статью
Я горе всем несла.
На мне лежит проклятье,
Скорей бы смерть пришла!

Не отнимайте права
Погибнуть во Христе –
И сгинет злая слава
В могильной темноте».

Тогда Христа служитель
Трех рыцарей призвал,
И девушку в обитель
Везти им приказал.

«В обители печальной
Ты мир в душе найдешь
И к смерти долгожданной
Ты в свой черед придешь.

Христос – твой утешитель
От суеты вдали...»
И девушку в обитель
С охраной повезли.

«О рыцари, пустите
Лишь раз свернуть с пути.
Мне, бедной, разрешите
На ту скалу взойти.

Мне б разглядеть в тумане
Его высокий дом,
И я монашкой стану
Безропотно потом!»

И с ловкостью чудесной
Взобралась Лорелей
Вверх по скале отвесной,
И рыцари – за ней.

И Лорелей сказала:
«Среди зеленых волн
Я парус увидела –
Его я знаю челн!

Счастливой быть отныне
Пришел и мой черед!..»
И бросилась с вершины
Она в пучину вод.

Нет рыцарям спасенья:
Обратно не сойдут.
Все три без погребенья
В мучениях умрут.

На Рейне в Бахарахе
Ту песню напевал
Один рыбак, и слышал
Я голос среди скал:

Лоре Лей!..

Лоре Лей!..

Лоре Лей!.. -

Эхо души моей.

Перевод Инги Томан

Город романтиков

У Кобленца два символа. Один из них – грандиозный памятник первому германскому императору Вильгельму I, сооруженный в 1897 году. Он находится при слиянии Рейна и Мозеля, на «Немецком углу» (Deutsches Eck), где в начале XIII века была резиденция рыцарей Тевтонского ордена. Другой символ – озорной мальчуган Шенгель, изо всех сил надувший щеки и плюющий на каждого, кто слишком близко подойдет к нему. Его довольно тщедушная фигурка украшает один из фонтанов (Schaengelbrunnen) в центре города. Какой из символов больше соответствует характеру жителей Кобленца, не знаю. Об этом можно, наверное, судить, лишь прожив в Кобленце всю жизнь. А потому оставим вопрос без ответа и отправимся на небольшую прогулку по городу.

В конце I века до н.э. при впадении Мозеля в Рейн римляне основали военный лагерь, который к III веку стал процветающим городом. В 450 году германцы изгнали римлян, и Кобленц опустел на четыре столетия. Его возрождение началось в IX веке при сыне Карла Великого, Людвиге Благочестивом. Одна за другой вознеслись в небо величественные башни его церквей. Самая древняя, посвященная святому Кастору, была построена в IX веке; церковь святого Флориана появилась веком позже, и в XII столетии началось строительство церкви Богоматери (Liebfrauenkirche). Впоследствии они, подобно людям, не раз меняли свой облик, но каждая из них хранит в себе фрагменты детства, теряющегося в глубине веков.

Кобленц дважды погибал, и дважды, подобно Фениксу, возрождался из обгоревших руин. Первый раз – в конце XVII века, в ходе войны за Пфальцское наследство; второй раз – во время Второй мировой войны, в результате которой около 90% города было разрушено. Впоследствии

исторический центр Кобленца восстановили в прежнем облике, причем так тщательно, что, гуляя по городу, трудно поверить в новизну его древних памятников.

Что касается обитателей Кобленца, то среди них не один только Шенгель любит дразнить соотечественников и туристов. Есть тут и другой «юморист»: безобиднее, но зато пострашнее. По преданию, в XVI веке по ложному обвинению был казнен некий рыцарь. И, когда голова его скатилась с плеч, она показала язык и некоторое время вращала глазами. 100 лет спустя невиновность рыцаря была доказана, и чтобы хоть как-то загладить вину своих предшественников, городские власти поместили изображение головы казненного под ратушными часами. Она непрерывно вращает глазами и каждые полчаса показывает язык, напоминая о роковой судебной ошибке. Сейчас в здании ратуши находится Музей Среднего Рейна (Mittelrhein-Museum). Здесь хранится множество произведений средневекового искусства, среди которых особый интерес представляют скульптуры мадонн XIV-XVI веков, воплощающих представления того времени об идеальной красавице и матери.

Средний Рейн с его живописными берегами и старинными замками был особенно любим романтиками. Среди них – уроженец Кобленца, философ, историк и публицист Йозеф Гёррес (1776-1848). В молодости он проповедовал революционные идеи, но после сорока стал ревностным католиком и поклонником средневековья. Он написал исследование по истории Кельнского собора, в котором доказывал необходимость завершения его строительства, видя в его судьбе и судьбе Германии мистическую связь. Двумя годами позже в Кобленце родился еще один знаменитый романтик – Клеменс Брентано (1778-1842), первым воспевавший прекрасную Лорелей... Он является автором дивных сказок и собрания немецких народных песен «Волшебный рог мальчика», которые собрал вместе с Ахимом фон Арнимом во время путешествия по Рейну. С Кобленцом косвенно связана и судьба Людвиг ван Бетховена. Здесь

родилась и провела детство его мать Мария Магдалена, в доме которой находится ныне музей. Здесь же, в Кобленце, жил друг Бетховена, врач Франц Герхард Вегелер (1765-1848), написавший первую биографию великого композитора. Кстати, имя ее издателя – Карла Бедекера (1801-1859) – стало нарицательным: бедекерами иногда называют путеводители, поскольку он специализировался на этом виде литературы. В них он смог соединить точные практические сведения с подробным описанием историко-культурных достопримечательностей, что снискало им популярность у самых разных путешественников. С 1827 по 1872 год издательство Бедекера, которое унаследовали сын и внуки, находилось в Кобленце. И не даром: здесь, на Рейне, где каждый камень готов рассказать прекрасную или страшную легенду, где каждый клочок земли кого-то или что-то помнит, просто невозможно обойтись без бедекера...

Ожерелье Лана

Лан... Одно только это слово и связанные с музыкой его звучания ассоциации говорят о многом. Ласковый Лан, льнувший лениво к зеленым склонам...

Впрочем, не такой уж он и ленивый. У этой кажущейся издалека тихой реки местами довольно сильное течение. И не такой уж он всегда ласковый. В нем порой встречаются водовороты и пороги. Но какая же река не таит в себе опасных сюрпризов?

Лан – идеальное место для любителей активного отдыха. Они ездят на велосипедах по его живописной долине, ходят пешком и, конечно, сплавляются на байдарках и каноэ. Плыть по течению на каноэ – одно удовольствие, даже для новичка. Если не преследовать спортивного интереса, можно полностью расслабиться и подгребать только на поворотах: река сама донесет тебя, куда надо. В общем, благодать... Одно только

непонятно российскому туристу: немцы категорически не хотят купаться в Лане (как, впрочем, и в Рейне). Им даже кажется дикой сама идея подобного приятного времяпрепровождения. Плескаться в крошечном бассейне, где в жаркий день народу набивается, как сельдей в бочке, – это они любят, а вот омовения в водах родных рек стараются избегать. Ну, да ладно: им виднее.

Кстати, Лан по-немецки – не он, а она (die Lahn), и, как любой даме, этой реке приличествует ожерелье, которое она и имеет. Это ожерелье состоит из стоящих на ее живописных берегах старинных городов и замков, один другого краше.

Крупнейшая его жемчужина – Марбург. Этот город, впервые упомянутый в 1130 году, знаменит своим университетом, основанным в XVI веке, и многочисленными памятниками средневековой архитектуры, почти не пострадавшими в годы Второй мировой войны.

То, что Марбург является университетским городом, сразу бросается в глаза. Создается впечатление, что здесь живут одни студенты, причем исключительно благонравные и прилежные. Они вечно куда-то деловито спешат или усердно зубрят, уютно расположившись в обширном парке на замковой горе.

Главная архитектурная достопримечательность Марбурга – величественный готический собор св.Елизаветы. Благодаря этой удивительной женщине город уже в XIII веке вошел в историю, став не только одним из крупнейших центров паломничества, но и политическим, экономическим и культурным центром.

Елизавета Тюрингенская (1207-1231) была дочерью венгерского короля. В четырехлетнем возрасте ее привезли в Марбург в качестве будущей супруги ландграфа Людвига IV Тюрингенского, который был ненамного старше своей суженой. В 1221 году она вышла замуж, а в 1222 году, в возрасте 15 лет, родила первого ребенка. В 1227 году Людвиг отправился в Крестовый поход, где вскоре умер, оставив 20-летнюю вдову с тремя детьми. В следующем году Елизавета приняла монашеский обет и

удалилась в Марбург, где посвятила себя служению Богу и людям. По ее инициативе здесь была построена больница для бедняков, где Елизавета самоотверженно трудилась, лично ухаживая за пациентами. Непосильная работа и изнурительная аскеза быстро подорвали силы молодой хрупкой женщины. В 24 года ее не стало.

Сразу после смерти Елизаветы ее могила стало местом паломничества, и уже в 1235 году она была причислена к лику святых, а день ее смерти – 17 ноября – стал днем ее памяти. В год канонизации Елизаветы над ее захоронением началось строительство церкви, ставшей первым памятником готической архитектуры в Германии. Видимо, это не случайно. Готика воплощает неистовый и самозабвенный порыв тоскующей человеческой души к Богу, и этот собор является не только памятником Елизавете, но и самым точным отражением ее внутреннего мира – предельно цельного и в тоже время бесконечно сложного, постичь который едва ли кому-нибудь удастся.

Елизавета жила в мире, где царили грубая сила и сословные предрассудки. Ее деятельность казалось многим нелепой и вредной, но она не боялась насмешек и злобы, не боялась быть не похожей на других и действовать вопреки установившимся взглядам. Каждого человека она воспринимала прежде всего как образ и подобие Бога, и потому забота о нем приобретала для нее высший, сакральный смысл.

Здесь, в Марбурге, Борис Пастернак навсегда распрощался с философией, осознав свое истинное призвание.

Он приехал сюда в мае 1912 года, будучи студентом историко-филологического факультета Московского университета, для изучения философии. Намерения у него были самые серьезные, и занимался он поначалу очень усердно, но в конце концов, вкусив «учености плоды» в старинном университете, понял, что эта стезя – не для него.

«Прощай, философия!» – эти слова из автобиографического сочинения Пастернака «Охранная грамота» теперь высечены на

мемориальной доске на доме №15 по Гиссельбергской улице (Gisselbergerstrasse), где жил будущий поэт.

Впрочем, главным итогом двух марбургских месяцев были не философские знания, а впечатления, озарившие и обогатившие его дальнейшую жизнь и творчество. И еще: здесь, в этом утопающем в садах и похожем на средневековую сказку городе, Пастернак осознал свое предназначение и свое место в мире, совершенно не похожее на тот уютный уголок земли, где, по его словам, ему было так «незаслуженно хорошо».

«Мне все время страшно стыдно в душе перед вами: мне совершенно незаслуженно хорошо здесь, – писал он в письме к родным. – И я совсем не надеюсь оправдать моими занятиями того наслаждения, которым полна жизнь в этом городке. Если бы это был только город! А то это какая-то средневековая сказка. Если бы тут были только профессора! (...) А то тут и Бог еще».

Недалеко от Марбурга находится город Вецлар с царящим над ним собором, заложенным в IX веке. В течение последующих столетий собор строился и перестраивался и в результате так и не был завершен. Впрочем, данное обстоятельство отнюдь не портит, а скорее усиливает общее впечатление от этого памятника архитектуры. Он стоит, словно недосказанная фраза из глубины веков.

Во многих путеводителях Вецлар называется «городом Гете». И не зря. Именно здесь произошли события, ставшие основой для его повести «Страдания молодого Вертера».

В 1772 году 23-летний Гете приехал в Вецлар, дабы, в соответствии с желанием своего отца, приобрести практический опыт в юриспруденции. Здесь он познакомился с Шарлоттой Буфф, в которую вскоре без памяти влюбился. Однако у Шарлотты был жених, и она не могла ответить взаимностью молодому поэту. Промучившись некоторое время, Гете

решается на единственно разумный в этой ситуации шаг: тайно бежит из города. А через некоторое время он узнал, что один из его вецларских знакомых застрелился от несчастной любви. Эта трагическая смерть была, вероятно, воспринята им как возможный исход собственной страсти, не прояви он вовремя благоразумия, и стала непосредственным поводом для создания произведения, в котором он соединил в одном образе собственную жизнь и чужую смерть. Работа над повестью окончательно исцелила душевные раны Гете, а выход ее в свет в 1774 году принес ему громкую славу. Впрочем, если самому автору «Страдания молодого Вертера» пошли на пользу, то многие его читатели, не пожелав увидеть весьма прозрачную мораль произведения, решили последовать не примеру Гете, а примеру его героя – и в Германии началась эпидемия самоубийств. Впрочем, в этом вины Гете нет: он хотел, как лучше...

Немного ниже по течению Лана находится очаровательный Вайльбург – светлый и всегда праздничный наполненный музыкой город. Если облик исторической части Вецлара и Марбурга определило средневековье, то облик сегодняшнего центра Вайльбурга сложился в начале XVIII века, хотя отдельные постройки относятся к более раннему времени. С лета 1973 года в бывшей резиденции графов Нассауских регулярно проходят концерты старинной музыки.

Лимбург... Это не тот Лимбург, что поставлял на стол сыры скучающим денди. (Помните в «Евгении Онегине»: «...меж сыром лимбургским живым и ананасом золотым...»?). Лимбург на Лане славится совсем иным...

Не будет преувеличением сказать, что это один из красивейших, а, возможно, самый красивый город в Германии. Он замечателен не только прекрасно отреставрированными памятниками архитектуры, но и исключительной цельностью. Здесь сохранена историческая застройка и планировка, так что средневековые храмы гармонично сочетаются с окружающими домами. Несмотря на множество узких и кривых улочек, в

Лимбурге невозможно заблудиться. Все они, поплутав немного, заставят вас подниматься вверх и рано или поздно приведут к прославленному Лимбургскому собору – собору св.Георгия.

Это один из самых поздних памятников романской архитектуры. Он был заложен в IX веке, а свой нынешний облик приобрел, в основном, в начале XIII века, хотя поздние перестройки и многочисленные реставрации наложили отпечаток на его облик. В отличие от большинства романских храмов, собор святого Георгия производит не мрачное и суровое, а торжественное и радостное впечатление. Его мощные и монументальные формы сочетаются с устремленностью ввысь, и порой кажется, что огромный светлый собор вот-вот оторвется от земли и улетит в неведомую высь. Такое впечатление в особенности возникает в праздничные дни, когда богослужение сопровождается знаменитым хором мальчиков Лимбургского собора.

Особое очарование Лимбургу придает гармоничное сочетание с природой. Одним из его главных украшений является Лан – любимое место отдыха жителей и гостей города. Неровный рельеф, хоть и создает некоторые неудобства для пешеходов, придает Лимбургу неповторимую живописность. За каждым новым поворотом вас ждет новый чудесный вид то на собор, то на реку, то на старинный фахверковый дом с прильнувшим к нему розовым кустом.

Круглый год, особенно летом, по Лимбургу бродят толпы туристов. Однако легко заметить, что исторический Лимбург – не только музей. У его старинных домов есть хозяева, которые их отреставрировали и поддерживают в надлежащем виде. Содержать памятник архитектуры – дело дорогостоящее и малоодоходное, и некоторые жители вынуждены были продать свои дома, не имея средств на их реставрацию. Однако бесхозных, запущенных домов в Лимбурге нет, ибо всегда находятся люди, готовые вложить деньги в сохранение памятника архитектуры.

По вечерам лимбуржцы имеют обыкновение отдыхать в миниатюрном скверике у собора. Здесь они прогуливают своих кроликов и морских свинок, которые совсем не боятся любопытных туристов и охотно знакомятся с ними – равно как и их хозяйка.

Недалеко от впадения Лана в Рейн находится Бад Эмс - знаменитый шикарный курорт, где отдыхали, лечились и порой проигрывали целые состояния в казино многие европейские и русские знаменитости. Среди гостей Бад Эмса – представители правящих династий, в том числе русский император Александр II; Вагнер, Гоголь, Достоевский и многие другие. Может быть вы, уважаемые читательницы и читатели, захотите пополнить этот список?

Хадамар:идиллия и ад

Вы найдете его не в каждом путеводителе и не на каждой карте. Далеко в стороне от него остались автобаны и магистральные железные дороги, а потому не думайте, что заехать сюда можно на час-другой по пути в более известное и значительное место. Добираться сюда придется специально, по однокорейке, на маленьком зеленом поезде под названием Vectus, который курсирует между Лимбургом и Вестервальдом.

«К чему эти многословные объяснения, – спросите вы, – если...» Нет! Оказаться в этих местах, на границе Гессена и Рейнланд-Пфальца, и не побывать здесь просто невозможно. Потому что это – Хадамар!

Хадамар... Город с таким звучным и несколько грозным названием, возможно, заслуживал бы большей славы, но судьба распорядилась иначе.

Впервые он упомянут в хрониках в IX веке, а в XIV получил права города и стал резиденцией графов Нассау-Хадамарских. В XVII веке граф Нассау-Хадамарский – Иоганн Людвиг – стал князем. Более высокий титул он получил за выдающуюся роль, которую сыграл в заключении Вестфальского мира, положившего конец Тридцатилетней войне. При

Иоганне Людвиге в Хадамаре были построены замок, церковь святого Иоанна Непомука и францисканский монастырь. С середины XVIII века Хадамар стал постепенно утрачивать былое значение. Вначале из него уехал княжеский двор, затем в результате военных и политических перипетий княжество Нассау-Хадамар превратилось в герцогство Нассау (таким образом, название города исчезло с политической карты), которое в 1866 году вошло в состав Пруссии. С 1945 года Хадамар находится в земле Гессен.

Таковы основные вехи политической истории Хадамара. В общем, даже в период расцвета здесь не происходило эпохальных событий. Тем не менее в XX веке этот уютный провинциальный городок вошел-таки в историю. Но лучше бы ему туда не попадать... Впрочем, об этой другой странице истории Хадамара я расскажу чуть позже. А сейчас я приглашаю наших читательниц и читателей совершить (пока только мысленную) прогулку по хадамарским достопримечательностям.

Древнейшим памятником архитектуры Хадамара является церковь Богоматери (Liebfrauenkirche), построенная в XIV-XV вв. В настоящее время здесь проходят не только богослужения, но и прекрасные концерты классической музыки.

Если от церкви немного пройти по зеленому берегу Эльбаха, можно увидеть еще один исторический памятник – мост Иоанна Непомука (Nepomukbrücke), отдельные фрагменты которого относятся к XII веку. На мосту стоит статуя святого, которого считают спасителем утопающих. Впрочем, в Эльбахе даже при очень большом желании утонуть невозможно. Перейти его можно вброд, и плавать здесь удобно только уткам.

Неподалеку находится церковь XVII века, давшая название мосту. В ней находятся росписи, иллюстрирующие жизнь Иоанна Непомука. Этот чешский святой знаменит тем, что не выдал тайну исповеди королевы ее супругу, несмотря на ужасные пытки. Впоследствии Иоанн Непомук был утоплен по приказу короля. А еще в церкви находятся целых шесть

исповедален, которые в прежние времена никогда не пустовали. Более того, в предпраздничные дни к ним выстраивались большие очереди, и патеры вынуждены были выслушивать прегрешения своей паствы с раннего утра до глубокой ночи. Впоследствии количество желающих получить отпущение грехов заметно уменьшилось. Означает ли это, что хадамарцы стали меньше грешить? Хотелось бы верить, но... Впрочем, религиозные традиции пока еще имеют заметное значение в жизни города. Просто если раньше большую роль в них играли покаяние и аскеза, то теперь для многих верующих религия ассоциируется прежде всего с красивыми обычаями и обрядами. В период Адвента в Хадамаре проходит грандиозная выставка рождественских яслей со всего света, а в праздник Тела Христова (во второй четверг после Пятидесятницы), когда дети принимают первое причастие, устраиваются торжественные религиозные процессии, сопровождаемые городским духовым оркестром.

С церковью Иоанна Непомука соседствуют ратуша и замок – резиденция князей Нассау-Хадамарских. В замке находится евангелическая церковь, городской музей и обширный «княжеский зал»(Fürstensaal), где проводятся концерты и выставки.

В Хадамаре находится одна из самых знаменитых в Германии ремесленных школ, где готовят специалистов по изготовлению художественного стекла. Начало ей было положено переселившимися сюда после Второй мировой войны немцами из Чехии, которые перенесли сюда традиции изготовления богемского стекла.

От исторического центра города поднимается вверх дорога, ведущая к капелле под названием Herzenbergkapelle. Это название объясняется тем, что здесь хоронили сердца князей Нассау-Хадамарских (тела же их покоятся в церкви францисканского монастыря). Чем дальше, тем круче становится подъем, однако для паломников путь проходит незаметно, ибо вдоль него находятся стелы с изображениями эпизодов из жизни Девы Марии. На гору Сердца (Herzenberg) поднимаются для того, чтобы не только помолиться, но

и полюбоваться прекрасным розовым садом. Это – гордость Хадамара, настоящий маленький земной рай, где растет более 160 видов роз. У горожан есть хороший обычай: новобрачные дарят саду обвитую розами арку. Впрочем, они украшают свой сад не только в честь свадьбы: почти под каждым кустом можно увидеть табличку с указанием, кто и когда его подарил.

Как видите, в Хадамаре немало достопримечательностей, однако его архитектурной доминантой является неоготический замок XIX века. Он виден отовсюду и буквально царит над городом, напоминая издали настоящую средневековую крепость. В настоящее время здесь находится музыкальный интернат, где живут и учатся мальчики, поющие в хоре Лимбургского собора.

Рядом с музыкальным интернатом находится городской бассейн, а далее – густой лес, озеро и бескрайние нивы. Следует сказать, что хадамарская природа – бальзам на душу ностальгирующих россиян, которые охотно здесь отдыхают и покупают недвижимость. «Наши березки! Наши липы! Наши просторы!» – умиленно восклицают они. И действительно: окрестности Хадамара до боли напоминают природу центральной России, и почти полное сходство нарушает лишь отсутствие помоек и заботливо возделанные поля. Частная собственность на землю – не преграда для далеких прогулок. Через поля и леса проложены узкие асфальтовые дороги, предназначенные для сельскохозяйственных машин, велосипедистов и пешеходов. Вдоль них тянутся ряды берез, образуя для путников кружевную тень, а в самых живописных местах поставлены скамейки. Для любителей природы Хадамар – сущий рай, но, как в каждом раю, здесь существуют немногочисленные, но непреложные правила: не ходить по азимуту, не мять посевы, ездить на машине только там, где полагается, и, конечно, не мусорить.

Вообще, рай и мир иной вспоминаются в Хадамаре довольно часто. И не только в розовом саду на горе Herzenberg и не только ясным летним

утром у затерявшейся в полях часовни, тихо дремлющей под сенью вековых лип.

В Хадамаре есть еще один исторический памятник – бывший францисканский монастырь XVII века. Перед ним стоит небольшой памятник в виде колокола, который должен вечно напоминать живым о том, что происходило в непосредственной близости от этого святого места в 1939-1945 гг. Здесь, в построенной в конце XIX века психиатрической клинике, находился лагерь смерти, где, в соответствии с проводившейся нацистскими властями политикой эвтаназии было уничтожено 15 тысяч человек. Жертвами эвтаназии стали инвалиды, душевнобольные, трудновоспитуемые дети, туберкулезные больные из числа «остарбайтеров», евреи и лица с примесью еврейской крови, контуженные при бомбежках, психически пострадавшие немецкие солдаты-фронтовики и даже эсесовцы. Попасты сюда мог каждый, кто был не доволен гитлеровским режимом и по этой причине признан «душевнобольным». Уничтожению предшествовали проводившиеся над людьми мучительные медицинские эксперименты. Первоначально эвтаназия проводилась в газовых камерах, но затем, вследствие протестов отдельных представителей духовенства, убийства стали более завуалированными. По приказу врачей, получавших свыше соответствующие разнарядки, медперсонал вводил больным смертельные дозы лекарств и посылал родственникам свидетельства о смерти с фальшивым диагнозом. Всего жертвами эвтаназии стали 200 тысяч граждан Германии и оккупированных стран; кроме того, вследствие борьбы за «чистоту расы» было насильственно стерилизовано 400 тысяч человек.

После войны в Германии начались судебные процессы по делу эвтаназии, возбужденные оккупационными властями и родственниками погибших. Несколько непосредственных виновников этой политики были казнены, однако большинство организаторов и исполнителей получили небольшие сроки тюремного заключения или были отпущены на свободу. Впоследствии некоторые из них, в том числе врачи-психиатры, продолжили

свою профессиональную деятельность. Что касается их выживших пациентов (среди которых имелось немало психически здоровых людей), то их жизнь в большинстве случаев была разбита. Их физическое и нравственное здоровье было подорвано, а для тех, кто все-таки пытался начать новую жизнь, пребывание в психиатрической клинике, хоть и в годы национал-социализма, оказалось позорным клеймом в биографии.

В 1953 году на стене хадамарской психиатрической клиники была установлена мемориальная доска в память о жертвах эвтаназии. В 1964 году было открыто мемориальное кладбище, которое включает в себя памятные знаки на месте братских могил; символические надгробия и обелиск с надписью – «Человек, уважай людей» (Mensch, achte den Menschen). Отсюда, с высокой горы, открывается исключительно красивый вид, являющийся еще одним напоминанием о трагическом несоответствии между совершенством мироздания и делами рук человеческих.

В 1983 году на первом этаже клиники была развернута посвященная эвтаназии документальная экспозиция, главной темой которой являются судьбы жертв и палачей. Тогда же было открыто для осмотра подвальное помещение, где находилась газовая камера и крематорий. Впоследствии психиатрическая клиника была переведена в другое здание. Здесь осталась только художественная студия, где душевнобольные люди занимаются живописью. На втором этаже была устроена гостиница Интернационального молодежного центра встреч и образования (Internationale Jugendbegegnungs- und Bildungsstätte). В ней останавливаются посетители мемориала, а также студенты и школьники из разных стран (в том числе из России), обучающиеся на языковых и страноведческих курсах.

Мемориал (Gedenkstätte) в Хадамаре ведет большую просветительскую работу. Почти каждый день сюда приезжают школьные экскурсии; здесь устраиваются различные семинары для педагогов и социальных работников. Сотрудники пытаются донести до сознания посетителей идею о том, что события прошлого неразрывно связаны с

современными проблемами и что многие причины, приведшие к власти национал-социалистов (ксенофобия, нетерпимость к инакомыслию, антисемитизм, расизм, культ силы), существуют по сей день. Таким образом, мемориал – это не только дань памяти погибшим, но и предупреждение живым. «Помнить ради будущего» - такова его основная идея.

Хадамар... Сравнительно недавно это слово означало для тысяч людей смертный приговор. Судьба каждого из них навсегда стала неотъемлемой частью истории этого уютного и тихого немецкого городка с его древними церквями, предрассветным пением птиц в ветвях вековых лип, золотистыми нивами, стройными березками с развевающимися по ветру зелеными косами и розовым «райским садом» на высокой горе.

(Очерки были опубликованы в газетах «Neues Leben» и «Moskauer Deutsche Zeitung» в 2000-2008 гг.)